

Нараспашку идти, да в молитве радеть...

КОНСТАНТИН КИНЧЕВ*: ЧЕРЕЗ ЯЗЫЧЕСКУЮ ГОРДЫНЮ К ПРАВОСЛАВИЮ

— *Константин Евгеньевич, как Вы пришли к вере?*

— Мой приход к вере не был чем-то обвальным, резким, молниеносным, он скорее был постепенным, как подъем в гору. Все было плавно. Но, конечно, были и метания. В поиске я находился лет с тринадцати, когда бабушка подарила мне Евангелие. Безусловно, на этом пути у меня было все: и отрицание, и язычество, была и дерзость: я говорил, что я Бога люблю, а Он меня нет, что никогда ничьим *рабом* я не буду, даже Божиим, я — «сам-с-усам».

На рубеже 33-х лет я вдруг осознал, что для дальнейшего движения надо бы определиться четко... На мой выбор, несомненно, повлияли и те люди, с кем я работал. В частности, у нас в группе играл клавишник Андрей Королев, который уже был православным во время нашей совместной работы. Сейчас он работает у Белгородского епископа Иоанна. Собирается в будущем при-

*Сколько нас таких нераскаянных,
Гордых, да лихих, неприкаянных.
Заливаем боль, жжем целковые,
Братья во Христе, бестолковые.*
(«Красные горы»)

нять сан. Также и рано погибший гитарист Игорь Чумичкин был верующим. Во многом благодаря им я принял Крещение. Последнюю точку в моих сомнениях и метаниях поставила поездка в Иерусалим.

— *Некогда Вы говорили в интервью, что не можете быть христианином, так как в душе Вы — язычник...*

— Я на этот вопрос отвечал уже много раз. Ничего здесь нет удивительного и экстраординарного. Я прохожу путь моей великой Родины. Как шла моя земля от

язычества к Православию, к спасению, так шла и моя душа. Я свою душу от своей земли совершенно не отделяю. Поэтому еще лет восемь назад могла прозвучать такая фраза, что я очень хотел бы стать христианином, но, к сожалению, по душе я — язычник. Вот так через языческую гордыню я и пришел к Православию. До полного смирения мне, конечно, — как до Гималаев, но, видит Бог, я как-то стараюсь.

— *Почему Вы выбрали именно Православие?*

— Потому что меня всегда настораживали модные течения и исповедания. Коли я родился на своей земле и интересуюсь ее историей, то другие вероисповедания не могут возникнуть в моей душе. Другое дело, что в мой языческий период появлялась Блаватская и весь этот «блудеж», который отец Андрей Кураев разнес в пух и прах в своей замечательной книге «Сатанизм для интеллигенции». И дай Бог ему здоровья за этот труд. Уж больно соблазнительная идея этого вселенского экуменизма, которым болеет большинство нашей интеллигенции.

— *Не воспринимаете ли Вы христианство лишь как ступень на пути своего духовного развития, то есть возможен ли для Вас переход к другой «более совершенной» религии?*

— Говорить о том, что христианство лишь ступень на пути моего духовного развития я не могу. У меня даже имя — Константин — постоянный. Что же касается различных метаний человека из религии в религию, то, на мой взгляд, немаловажным фактором здесь является склонность к гордыне. Ведь когда у тебя в крови кипит желание быть выше всех, — о! как сложно с этим искушением справляться! Поэтому и начинаешь метаться.

— *Приход человека к вере, как правило, связан с переворотом в его мировоззрении, с отказом от прошлых ценностей и жизненных ориентиров. В какой степени Вы ощущаете перемену в своем творчестве после прихода в Церковь?*

— Будет не очень скромно, если я стану говорить: «Да, я бесспорно изменился». Это судить людям, которые долгие годы слушают меня. Но, судя по отзывам в интернете, я совершенно сошел с ума. А значит, я делаю

*Константин Кинчев (по паспорту Панфилов). Родился в 1958 году. Закончил Московский технологический институт. С 1985 года лидер группы «Алиса». Женат. Имеет двоих детей. Прихожанин московского храма Трех Святителей.



все правильно. Эти отзывы присылают те поклонники, которые не приемлют того, что я делаю сейчас. В сетях интернета сидят, как правило, мальчики и девочки из благополучных семей, имеющие с юных лет компьютер и досуг, которые считают себя шибко умными и всезнающими и берутся судить обо всем и обо вся, не сделав в этом мире пока еще ровным счетом ничего. А как раз старые, постоянные, кондовые слушатели более восприимчивы к изменениям. Они быстрее понимают и принимают их. Например, песня «Мы — православные» сейчас воспринимается залом очень хорошо, хотя она была очень и очень необычна для «Алисы».

Не могу сказать, что я поднялся. Как говорят святые отцы: «Если думаешь, что ты стоишь, то уже падаешь». Поэтому говорить о том, что я стою или поднялся, значит упасть. Да и вообще, о каком спасении и духовом росте можно говорить? Надо сначала курить бросить, а я и этого никак не могу сделать. Начиная с этой мелочи, я сам себе противоречу. Я встаю и опять падаю. Поэтому когда я смотрю на себя со стороны, то понимаю, что слишком перебираю, заявляя открыто о своих убеждениях. Особенно, когда немного «поддам» и начинаю: «Мы, православные...». Православный — это высокое

звание, ему надо соответствовать. Другое дело, когда ты дома — выпил, поговорил по душам...

— *А пытаетесь ли Вы приобщить к Православию знакомых, которые не разделяют Ваших убеждений?*

— Я уважаю выбор, свободу выбора каждого. А кто я такой, чтобы заявлять: «Вот я — православный, я выше тебя, к примеру, — мусульманина». Он мне сразу резонно ответит: «Какое ты имеешь право называть себя православным? Ты ведь делаешь то-то и то-то!» И я уже сижу в луже. Поэтому я никогда не дерзну кого-то учить жить.

Для меня совершенно ясно, что единственный путь спасения — это вера правая. Но во мне еще столько вопросов, с которыми надо справляться, а я по лености своей природной оставляю все на завтрашний день. Лучшая проповедь — это моя собственная жизнь. Поэтому надо стараться соответствовать званию православного.

— *Стараетесь ли Вы дать своим детям православное воспитание?*

— Строго православное воспитание я дать им не могу, потому что сам — не строго православный, если смотреть по канонам. На мой взгляд, я не имею права заставлять детей жестко поститься. Просто напоминаю им: «Сейчас пост, сейчас пост!» А там уж как сами решат (*смеется*). Я не заставляю их не смотреть телевизор. Они смотрят его, играют в компьютерные игры... — как все дети. Понимаете, любой запрет, особенно в жесткой форме, формирует «болезнь запретного плода».

— *То есть Вы не нарушаете их свободы?*

— Стараюсь не нарушать... Ну конечно, и ремня даю время от времени, что тоже необходимо, на мой взгляд, когда все аргументы исчерпаны... Кого люблю, того и наказую.

Во всяком случае, мои дети знают, что такое служба, куда ставить свечи за упокой или за здравие, что такое алтарь. Маша (старшая дочь) поет в храме на клиросе. Они не шарахаются от священников (что, кстати, часто бывает в нецерковных семьях), поскольку у меня часто бывают в гостях мои товарищи священнослужители.

— *Чем сегодня является для Вас музыка? В 70–80-е годы рок-музыка была довольно сильным инструментом социального протеста в обществе. В начале 90-х годов музыка становится, в первую очередь, бизнесом. Какие цели Вы ставите перед своим творчеством и какие задачи пытаетесь решить?*

— Никаких целей и задач я, мягко говоря, не ставлю. Могу сказать одно, что протест без веры, как правило, заканчивается наркоманией, то есть смертью, или «хождением из окон», то есть самоубийством. Это обычный протест человека, не чувствующего опоры, не знающего своих корней. Потому что он протестует стихийно против общества, против того, что в этом обществе творит-

ся, но не знает, почему это творится, и как найти выход из этой ситуации, как найти противоядие, как найти спасение, и что есть это спасение. Отсюда такие печальные исходы.

Рождество. Снег.

Чистым январем духом воспрять.

Со всеобщей выйти другим.

Снегом скрипеть до рассвета.

Да любовь нести прямо к весне,

Вместе с нею солнце встречать.

Благодарить песней этой Слово.

(«Рождество»)

А протест с верой — конструктивен. Я об этом могу говорить, потому что я все ступени этого протеста проходил: сначала был просто протест, а сейчас протестуем против мира... Как спел Виктор Цой: «Весь мир идет на меня войной». Именно сейчас я эту песню ощущаю своей, очень родной. Вера дает силу.

Теперь на счет коммерции. Музыка для меня как для профессионала — это то, что я люблю, то, что как бы занимает мое сердце. Я очень люблю играть концерты, я не могу от этого отказаться. Видимо, я так «заточен», что на сцене под рев гитар я очень хорошо себя ощущаю — тут я на месте, как рыба в воде. Когда я выпадаю из этой концертной чреды, я чувствую себя неплохо, но мне чего-то не хватает. Вместе с тем, я еще умудряюсь за это получать деньги. Это позволяет моей семье существовать. Ничем другим я не занимаюсь.

Но здесь есть отличие от попсы. Моя главная задача — поделиться тем, что у меня в сердце, на душе. Поэтому не знаю, коммерческая мы группа или не коммерческая — с какой стороны посмотреть. Если она профессиональная, значит коммерческая, но, с другой стороны, это то, что идет от сердца, что приносит радость, в отличие от попсы, где главное — это слава, деньги, успех... Вот и все.

— Рассматриваете ли Вы свое творчество (музыку, тексты) как миссионерское служение, проповедь, призыв к Богу?

— Я ни в коем случае не рассматриваю свое творчество как миссионерство, поскольку, честно говоря, я на это благословения не получал, потому что не просил. Я просто боюсь у духовника просить благословения на подобные вещи. Я делаю то, что считаю необходимым делать мне по сердцу. Я пою те песни, которые мне хочется петь. В этих песнях выражаю то, что происходит во мне. А талантливо или нет — судить не мне. У нас есть более умные, более глубокие, более продвинутые в плане миссионерства люди. Тот же Кураев, например. Он гораздо больше знает, нежели я, больше читал, имеет

замечательную память и бесспорный дар литератора. Вот он и занимается чисто миссионерской работой.

— Не возникали ли у Вас в душе сомнения о правильности выбранного Вами пути после Вашего прихода в Церковь?

— К несчастью, у нас многие люди находятся не на своем месте и глубоко страдают от неверно выбранного пути, профессии. Слава Богу, я выбрал правильный путь (не зависимо от того, что я закончил экономический факультет Московского технологического института). Со страхом представляю, как бы я занимался тем, что хотел мой отец. Он по своему представлял себе благополучие сына. Царствие ему Небесное. (При этих словах Константин благоговейно перекрестился. — Прим. ред.) Конечно, он желал мне добра...

Я для себя четко определил, что не существует плохих профессий, не угодных Богу. Профессий можно менять тысячи, лишь бы они приносили радость. Каждый должен делать свое дело добросовестно и стараться, чтобы это было угодно Богу. Существуют люди, ответственные за свои поступки, и не очень ответственные. Поэтому мера ответственности недобросовестного хирурга, иерея или учителя гораздо выше. Для меня же это заключается в следующем: наиболее ясно выражать свою позицию поэтическим образом, и чтобы не было никаких кощунств в текстах. Раньше я испытывал раздвоенность несколько лет, а сейчас появился покой в душе по этому поводу. Меня вопрос о профессии сейчас не тревожит, хотя он может опять возникнуть.

— Существует мнение, что рок-музыка своими корнями уходит в африканские шаманские культуры. Что Вы можете сказать по этому поводу? Возможен ли, по Вашему мнению, православный рок?

— Я никогда в роке не чувствовал африканского язычества. Быть может, сейчас я покажусь (не приведи, Господи) расистом, но это абсолютно белая музыка. Блюз или хип-хоп — да! Эта музыка абсолютно черная. В ней в полный рост стоит африканское язычество, а в роке этого нет.

*Ветер ладит тропы до небес,
Через горы, через темный лес,
Труден выбор — узкие врата,
Туда, где бьет живая вода.*

(«Три дороги»)

Что касается музыки, то я вообще считаю, что хард-рок — это абсолютно русское явление. Созвучна русскому духу эта раскачка, эта дремучесть. Поэтому, например, «Black Sabbath» и «Metallica» — абсолютно русские (по звуку) группы. Именно поэтому они пользуются у нас такой бешеной популярностью.

Хотя, не отрицая, мне нравится и блюз, и хип-хоп. Это та музыкальная форма, в которой наиболее доступно и просто выразить свою социальную позицию. Поэтому у меня многие тексты написаны именно в такой форме (например, «Тоталитарный рэп»).

Но, безусловно, если смотреть глубже, у истоков современной музыки стоят африканские ритмы, шаманские культы. И поэтому я считаю невозможным существование «православного рока», именно в этом соединении двух слов. Я бы остерегся подобных эпитетов — «православный рок». Это что-то из сектантства. Православный человек — это да! А любое творчество гораздо ниже Православия, потому что, по сути, — это карикатура на Творца. К этому нужно относиться более сдержанно и с изрядной долей скептицизма.

Православие вообще подразумевает акапелльное пение во славу Господа. И все! Никаких музыкальных инструментов в Церкви. Рассуждая дальше, можно сказать, что все музыкальные инструменты — это... Но к чему мы тогда придем? Так можно дойти до того, что все вокруг — совершенное мракобесие. От чего, кстати, в основном и шарахается неподготовленный обыватель: «Опять эти православные на всех наехали». Очень сложно балансировать на этой грани.

— Да, сегодня Православную Церковь часто упрекают в консерватизме, в непонимании стремлений, проблем, желаний современного общества. Как Вы думаете, каким образом можно преодолеть разрыв между Православием и современной молодежной культурой, как воцерковить ее?

— Это задача из задач! Над ней билось не одно поколение. На мой взгляд, батюшкам прежде всего нужно не забывать, что необходимо безмерно уважать свободу каждого, а жесткими назиданиями, без уважения к свободе, можно только оттолкнуть молодежь. То есть работать с ними нужно очень осторожно. Пришел в храм человек, грубо говоря, еще «неврубающийся», на него «наехали», не допустили до Причастия... Он же больше не придет! Вот это ответственность иерейская! Она огромна — чувствовать каждую душу. Вот пример. У меня одна знакомая пришла в храм, хотела причаститься, но не готовилась как положено, многого не знала. На исповеди рассказала все батюшке, он посокрушался и говорит ей: «Вообще-то, я не должен допускать тебя до Причастия, но если не допущу, то ты больше и не придешь. Поэтому допускаю, но учти...», и ставит определенные условия.

Церковь неизмеримо сильнее, выше всего человеческого, и поэтому ей не требуется такого тотального привлечения к себе, как всем сектам, которые всевозможными сетями увлекают людей. Врата адовы широки, но и туда надо увлекать. А к Господу увлекать никого не надо. Господь Сам приводит к Себе.

*Материал подготовил Михаил Первушин,
4 курс МДС*

«МЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ»

*Душа магнитом-замком
Тревожит вольную грудь,
Как по доброму жить,
Да готовиться в путь,
Как с надеждой глядеть
на разрушенный дом,
Как по доброму петь.
Мы православные!*

*Видеть козни врага,
Да по вере прощать.
Посягательства чад
Волей одолевать,
Да гнушаться всех тех,
кто порочит Отца,
Да по силе терпеть.
Мы православные!*

*Гнать кручину-печаль,
Да с похмелья болеть,
Нараспашку идти,
Да в молитве радеть,
Да собором судить,
кому тяжело держать
Во славу нашей земли!
Мы православные!*

*А в небе сила — любви!
Божья воля — закон!
Смертью смерти поправ
Дышит вечность с икон.
Да святится имя Твое
На все просторы Руси!
Мы православные!*